

Станислав Сыроватко

Прыщи

Вдруг преждевременность ты обнаружишь в прошлом,

*Воспоминания — зови и не зови — нет целого,
Лишь случаи одни...*

Как много их, непрошенных, но званых

Встречали, торопя прощанья миг...

И будет время многих писем рваных

И тел без всякой ауры — чужих.

1. Новый двор

Человеку свойственно забывать лицо, с которым он входит в мир. Каждый из нас или предал, или предан, оставшийся же вне этого становится подобен лишайникам, просто осуществляя фотосинтез. Приходит понимание, что вера, которой ты жил, не стала реальностью и во времена всеобщей лжи превращается в экстремизм, а просто заученные правила золотого сечения жизни ты не умеешь применить: любое усилие или бесполезно, или вредно. Вот тогда и возникает понимание злорадства как самого большого

удовлетворения, становишься настолько циником, что допускаешь все что угодно между «хочу» и «хочу необходимое».

Сказано, что есть три беды: сожаления о прошлом, неблагодарность к настоящему и тревога о будущем. Просто к прошлому нельзя дотрагиваться корыстно, не рискуя сделать его хуже. А ведь жизнь каждого из нас, как бы мы ее ни хотели представить, не бывает чем-то плавно перетекающим от причины к следствию, от замысла к результату, потому что в наших воспоминаниях она состоит из совершенно не связанных между собой отрезков, как лоскутное одеяло, и основа этих кусочков целостна и подчинена какой-то единой программе с определенной целью.

Дни те же, но вот времени становится все меньше, и понимаешь, что совсем не важна скорость твоего движения, а важно, что ты движешься. Поэтому на каждом отрезке жизни ты выглядишь неодинаково, ты просто другой, не узнаваемый собой же человек, поступки которого тебе непонятны, иногда отвратительны, иногда смешны, но в момент их совершения они были именно такими, какими надлежит быть. А поздние рассуждения совершенно глупы: ничего иначе ты бы не сделал, потому что тогда это был бы не ТЫ, а кто-то другой, который совершал бы просто что-то другое.

Часто Олег представлял себе свою жизнь в свете его — сегодняшнего. И эта жизнь, исправленная, очищенная временем, с перспективами прислуги или обочины, порою невыносимая, порою привлекательная, но вызывающая какие-то необъяснимые фантазии, что однажды ЭТО случится, становится невероятной, чтобы быть правдой. Чтобы быть счастливым, нужно вести себя так, будто ты действительно счастлив, тогда и обретаешь совсем не там, где самоуверенно ищешь, тогда и ответ на вопрос — повезло или заслужил — совершенно очевиден: о будущем и настоящем не говорят, их делают. И память тебе совсем не помощница, скорее, наоборот, только вот бумагу сохраняют только в силу написанных на ней слов, не более.

Будда учил, что если нет привязанностей, то нет и страданий.

Это был период жизни Олега, совпавший с переездом в новый восьмизэтажный дом в условном центре Харькова на слиянии Лопани и Харькова, расположенный напротив центрального универмага, в квартиру, доставшуюся по счастливому случаю в силу резолюции Хрущева на странным образом попавшее к нему письму отца. Дом, преимущественно заселенный городской элитой и некоторыми представителями тогдашней привилегированной торгово-спекулятивной среды,

сумевшими и — главное — имеющими возможность оплатить свое желание, как раз и характеризовался тем, что юноша просто жил самыми разными интересами — от ловли лягушек до дворового футбола, не затрудняясь ничем, отвлекающим его от множества этих важных дел.

Совершенно неожиданно стало интересно изучать устройство организма лягушки, что можно было сделать только с помощью лезвия и варварских операций: рассматривал внутреннее устройство, видел маленький белый, ритмично бьющийся комочек-сердце, удивлялся продолжению реакций отторгнутых конечностей... Все это было очень интересно и не сопровождалось какими-либо мыслями о мучениях подопытных. Дальше — больше. Внимание Олега распространилось на бродячих котов и собак, до «операций» с которыми дело не доходило, но отвратительные и жестокие действия совершались. Следует сказать, что этот период был очень кратковременным и сменился чувством какой-то острой виновности, жалости... Действительно, ребенок не жесток по своей природе, но, как всему на свете, он учится ей — жестокости, и дай Бог, чтобы вовремя приходило понимание неестественности и бесчеловечности этого явления, формировалось чувство сострадания и восприятия чужой боли, понимание, что надо быть добрее. В

противном случае закладываются основы «демократических лидеров», презирающих и использующих всех только в качестве сырья для удовлетворения своих циничных фантазий, да маньяков, делающие то же самое, но своими методами. В этот период жизни ребенок еще недостаточно добр, чтобы испытывать жалость, но чтобы правила не нарушать, их просто нужно знать. Единственная вразумительная цель в жизни — быть счастливым, только вот понимание «своего» счастья может быть как через любовь, так и через ненависть, и нужно научиться сохранять постоянство перед лицом как страданий, так и участия: гармония с окружающим миром возможна только в примирении с самим собой, потому что несовершенен не мир, а мы в нем.

Может быть, именно поэтому полученные уроки жестокости заложили некие принципы действий. Однажды сказанное или сделанное тобой может быть прощено только теми, кто тебя не понял.

В совершенно новых обстоятельствах каждый новый день становился новой жизнью, только привыкнуть и научиться всем этим пользоваться Олег смог далеко не сразу: ведь не зря говорят, что используют не глину, из которой слеплен кувшин, а его пустоту. Иногда получить желаемое становится просто везением, но как хорошо жить, знают

многие, только вот живут хорошо — единицы.

Говорят, что не следует ждать чего-то нового от переезда: ты ведь берешь с собой себя...

Сказано, что все, что должно случиться, случится.

Итак. Справа от дома, у Лопани, располагался сквер со старой действующей баней в центре, двумя пристанями на реках и лодочными станциями на них. Там с марта по октябрь постоянно ныряли в мутную жижу и пугали арендаторов весельных лодок отроки дома Олега и прилегающих к нему переулочных старых построек, давно ожидающих сноса, но плотно заселенных по преимуществу еврейским населением. Разумеется, парк не был местом гуляния горожан, скорее, местом времяпрепровождения определенной их категории. По крайней мере, мам с детскими колясками там не наблюдалось (хотя нет уверенности, что коляски вообще были), тогда как компании, уютно расположившиеся на немногочисленных разбитых и некрашенных скамейках, а чаще — просто в кустах на траве, распивающие и аппетитно закусывающие, предающиеся по случаю радостям отдыха на природе, были многочисленны и привычны, как и посетители бани. К тому же весь первый этаж дома Олега занимали магазины с самыми разнообразными закусками и напитками, что было очень удобно для гуляющих.

Мальчишки научились мелкому шантажу, что ставило отдыхающих перед выбором — или попросту набить им что-либо (а это сложно — попробуй догони по кустам), или откупиться «на мороженое». Впоследствии многие выполняли некоторые задания по сервису отдыхающих за определенную плату. Да и «на шухаре» бывало стояли.

Там же располагалась какая-то контора с вывеской «Дирекция парка»(или парков), которая, собственно, парком не занималась вовсе, а небольшое строение этой самой дирекции было обветшалым, заколоченным и практически нежилым.

Огромную важность представляли лодочные станции на причалах, где были пришвартованы весельные гребные прогулочные лодки, сдаваемые трудящимся, желающим поплавать по рекам. Это были, как правило, жители пригорода Харькова и приезжающие на выходные «в город». В основном парочки.

На станции заправлял Карась. То была или его «погремуха», или фамилия. Он был еврей, лыс, невысок, с поврежденной рукой, а лодки выдавал повременно за наличный расчет без каких-либо касс, квитанций и прочих премудростей. Понятно, что обслуживающим персоналом выступали Олег и все его напарники, вычерпывающие воду из лодок,

загонявшие просроченных на станцию под штрафы, да и вообще — очень добросовестно обслуживающие весь этот бизнес Карася. Часто в лодках находили различные монеты, которые выпадали из карманов арендаторов. Считалось большим шиком патрулирование по рекам на одной из лодок с демонстрацией разворотов на месте (одно весло — к себе, другое — напротив), греблей по верхнему слою воды полупогруженными веслами и т. д. Часто совершали нападения на парочки, имея корыстные цели, а больше — из озорства, причем, никакой жалости к ни в чем не повинным гуляющим никто не испытывал.

Другими словами, этот сквер становился местом постоянных сборов различных неблагонадежных жильцов Олеговых окрестностей, где стала формироваться некая группа с бесшабашными наклонностями, а сама территория в определенных кругах получила название Палуба. До управляемости авторитетами с криминальными привычками дело не дошло, но ярко выраженная группа хулиганов образовалась.

Забавы придумывали самые разные. Это — и ночные посещения склада зеркальной мастерской, находящейся напротив — через Лопань, и заглядывание в окна бани, и помощь женщинам венерического стационара, расположенного около «зеркалки», когда на веревочке спускались деньги,

на которые им — болезным — покупали бутылку-другую и передавали так же — на веревочке. За эти услуги получали плату — демонстрацию женского тела в окнах диспансера. Многие из них по выписке оказывались на Палубе, откуда снова возвращались в диспансер, причем, тогда за такие дела легко можно было нарваться «на срок».

Подобные группировки формировались и в других районах, прилегающих к Палубе. Между собой они жили мирно, потому что делить было нечего, хотя стычки и серьезные выяснения отношений возникали, вплоть до коллективного сражения на «нашей» или «их» территории. Со временем Палуба стала занимать ведущее место в округе среди хулиганских объединений, а впоследствии из этого круга вышли некоторые криминальные авторитеты.

Следующая зона активности была вокруг деревянных мостков через реку Харьков, откуда можно было нырять, хотя дно реки в этом месте было очень опасно из-за остатков кольев. Только разве это могло остановить?! И шалости были своеобразными — от неожиданного гавкания из-под мостков на проходящих сверху до подглядывания или запуска струи в щели между досками.

Дом, в котором жил Олег, представлял собой

кирпичное восьмиэтажное строение, выполненное вручную, без применения блочной технологии. Потолки были высокими, стены — толстыми. В каждом подъезде имелось два входа — парадный и дворовой, первый из которых (с площади) по заведенному кем-то порядку сразу же был заколочен навсегда. Строительство дома продолжалось после заселения Олега, сданы были только четыре подъезда из плановых шести, поэтому во дворе работал растворный узел с массой песка, с крыши которого дети прыгали в эти дюны. Нужно ли говорить о множестве вывихов и синяков? Конечно, все это было, только демонстрации бесстрашия и героизма все же не мешало. Именно там Олег впервые попробовал курить. Однажды вечером кто-то принес «Шипку» и предложил попробовать. В пачке были красиво уложены белые сигареты с дурманящим запахом. После короткого инструктажа начали. Закончилось все рвотой и стойким отвращением к табаку на некоторое время, впрочем, не очень долгое.

Лифты были старого образца, огороженные сетчатой шахтой с большими зазорами между дверью кабины и сеткой, куда попадали ногами неосторожные жильцы. Однако без трагических последствий. В легкой доступности были приспособления для искусственной остановки кабины, которые можно было толкнуть деревяшкой

на срабатывание в любой, самый неожиданный для пассажиров, момент. Это также использовалось из шалости.

Большие коммунальные кухни на две-три семьи, общие ванная и туалет с постоянными спорами об очередности уборки, газ, теплая и холодная вода, централизованное отопление — все это создавало ощущение комфортности после полуподвала, во всяком случае — вначале, до возникновения привычки.

Первый этаж занимали ряд продовольственных магазинов и большой ювелирный, называемый «Зеркальный», поэтому по утрам снизу часто доносились своеобразная лексика грузчиков, окрики приемщиц, грохот выгружаемых и загружаемых товаров и тары, с интересом воспринимаемые Олегом, практически жившим и спавшим круглогодично на балконе с видом во двор самой большой из трех комнат коммуналки на три семьи. По заведенному порядку, он дома только ночевал да что-то несистематически съедал днем: каким-то образом двор кормил. Коммуналка же жила своей жизнью, в которой, кроме Олега, бесконфликтно расположились две девочки-соседки, а также сестра и брат.

Была в доме и домашняя кухня, из которой многие жильцы носили судочки, поставленные один на другой в хитроумном жестяном

приспособлении с ручкой (первое, второе, третье), причем, это было очень недорого и очень удобно, не вызывало каких-либо комплексов. Услугой, в свое время, пришлось пользоваться и Олегу, когда отец по каким-то не комментируемым матерью причинам (связанным с чем-то грязненьким) был изолирован на период следствия или проверки с ожиданием «срока». Впрочем, это мало трогало Олега и уж никак не вызывало сочувствия или интереса. «Срока» не случилось. Однако Олегу в то время пришлось работать грузчиком, преимущественно в ночные и даже в две смены, чтобы дать возможность сестре и брату продолжать учебу в школе: одна мать не могла прокормить всех. В этой связи пришлось прекратить ученичество на слесаря, а затем и малооплачиваемое и просто отталкивающее в своем нудном рутинном опиливании каких-то железок с дырками слесарничество в цехе завода им. Шевченко. Днем же Олег увлеченно тренировался, став уже известным шпажистом, серебряным призером первенства СССР среди молодежи, да еще и довольно успешно успевал гонять футбольный мяч в юношеских школах харьковского «Авангарда», а затем — в заводской команде, когда успехи в фехтовании уже не оставляли времени на серьезные занятия футболом. Хотя и в футболе у Олега были достаточно высокие тренерские оценки

как в игре вратарем, так и в полузащите.

В доме, учитывая важность заселенного контингента, особое место занимало массивное бомбоубежище с чугунными дверьми и винтовыми замками, занимавшее практически весь подвал. Объект был режимным и никто туда попасть не мог. Во дворе был выход вентиляционных колодцев. Много страшных тайн и легенд сочинялось вокруг этого бомбоубежища, а обладающие фантазией шепотом рассказывали, как им удалось попасть вовнутрь и какие чудные машины и оборудование они там видели. Все понимали, что это вранье, но слушали с большим вниманием (это убежище сохранилось до настоящего времени и находится в совершенно рабочем состоянии — так строили тогда подобные объекты).

Через некоторое время были достроены последние два подъезда и дом был полностью заселен, что не добавило ему ничего нового и неожиданного.

Небольшой интерес вызывал также и чердак, вход на который строго контролировался. Попасть туда не удавалось, да и особого желания не возникало.

Следует добавить, что дом был облицован желтой плиткой с различными включениями по цоколю и между этажами, которая, кстати, также

сохранилась.

Перед домом каким-то чудом уцелели и были плотно заселены старые разваливающиеся постройки, во дворах которых люди азартно играли в шестьдесят шесть, буру, дурака и прочие незамысловатые игры. Иногда случался и преферанс. Слышалась достаточно специфическая речь, за дощатыми столами ели жареную рыбу, изредка выпивали. Все это очень напоминало Олегу его предыдущие жилище и двор. Юноши этих оазисов были задиристы и заносчивы по отношению к жильцам дома как классово неприемлемым. Впрочем, они были довольно малочисленны и не представляли реальной угрозы. Такие строения замыкали двор, создавая естественное ограждение его от набережной реки Харьков.

Отселенные и частично разваленные дома использовались для различных игр со штурмом их с мечами и щитами, причем, мечи изготавливались по темну из планок деревянных ящиков пункта приема стеклотары к величайшему огорчению и разорению сборщиков, а крышка от кастрюли была самым ценным щитом. Эти штурмы были массовыми, в них принимало участие практически все детское население, включая девочек. Естественно, команды делились на новодомных и старожителей, причем, последние, как правило,

оказывались побежденными в силу своей малочисленности. Каждый штурм сопровождался немислимым ором, что поначалу изрядно пугало неторопливых аборигенов. Впрочем, недолго.

Слева располагались целый ряд гаражей да полуразвалившиеся некогда жилые постройки с множеством котов и дворовых собак, где также было немало неисследованного и таинственного. Нередки были сцены собачей и кошачьей любви, во множестве появлялись щенки и котята, которые почему-то куда-то исчезали, не дав наиграться с ними как следует. Подозрения падали на дворников, но доказательств не было в силу отсутствия достаточно организованной слежки. Среди всех выделялась старая дворняга Жанна с огромными, постоянно наполненными молочными железами, которая была наиболее активна и поэтому чаще других делала свое незамысловатое дело на глазах у благодарной публики. Даже дворники ее не трогали. Ограждали территорию какие-то конторы с воротами и закрытыми непонятно от кого двориками. Очень характерны были именно такие архитектурные традиции: все участки стремились к некоторой обособленности, непроглядности и, как правило, имели свои ворота с калитками. От кого прятались — не понять.

Все это от людских глаз со стороны площади закрывал величественный дом Олега.

По центру двора образовалась обширная территория, впоследствии используемая в качестве футбольного поля. На ней разместились качели, канат для лазания, какие-то псевдотурники и т. д. Дети с восторгом наблюдали, как условно взрослые демонстрировали умение лазать по канату без помощи ног, как крутились на турнике. Олегу же никак не удавалось повторить все это в силу природного недостатка физической силы.

В конце двора располагалась детская площадка, куда выводили гулять малышей детских яслей, расположенных на первом этаже первого подъезда. Впоследствии там проводились футбольные тренировки вратарей дворовой команды, отрабатывающих броски мяча в песочницах. Изредка в крытых павильонах появлялись какие-то группки «на троих», однако все они безжалостно изгонялись патриотично настроенными жильцами.

Непосредственно перед домом находилась большая площадь с клумбой, вокруг которой было интенсивное движение автомобилей, но практически никогда не появлялись конные телеги, такие привычные на старом месте. Центральный универмаг главенствовал, мимо него тархтели многочисленные трамваи и троллейбусы, разъезжавшиеся с центральной остановки по разным направлениям.

Именно здесь в результате несчастного случая под колесами то ли троллейбуса, то ли трамвая погибла мать отца — маленькая, худенькая женщина, которую Олег посещал не более раза-двух и которая практически не оставила о себе каких-либо воспоминаний. Запомнилось лишь проникновение из любопытства в какую-то большую металлическую емкость во дворе и невозможность выбраться: пришлось кричать о спасении. Эта смерть прошла как-то буднично. Олег ее практически не заметил и больших эмоций не испытал, хотя копать могилу на кладбище его взяли. Похороны же прошли без него, впрочем, и приглашения не было, а если бы оно и состоялось, то у Олега было столько неотложных дел, что он все равно избежал бы участия в этом обряде.

Второй родитель по линии отца — Тимофей, довольно осанистый, этаким положительный мужчина, живший с другой женщиной неподалеку в престижном районе улицы Сумской, — запомнился каким-то добрым отношением к Олегу (всегда дарил какой-нибудь пистолет с пистонами, конфеты и т. д.), был на пенсии и подрабатывал то ли дворничеством, то ли еще каким-то образом на своей территории. Отец явно трепетал перед ним.

На склоне земляного вала площади, засаженного разноцветной травой и цветами по рисунку герба страны и еще каких-то

патриотических мотивов, располагалась большая каменная лестница, ведущая вверх — к собору с часами, напротив был мост через Лопань. Около этого моста и заканчивалась территория Палубы, за которой ее представители должны были вести себя сдержанно. Кто-то окрестил ее «Наша Потемкинская», хотя такое сравнение довольно смело. Именно на этом месте Олег получил серьезную резаную травму правой руки (были перерезаны и вены, и сухожилия на запястье). В результате чего друзья доставили его к ближайшей аптеке, поддерживая руку вверх и поливая свою одежду кровью, откуда Олега, уже практически уснувшего от потери крови, увезла скорая помощь. Операция по сшиванию, сделанная кое-как, запомнилась страшной болью при местном обезболивании. Было ощущение сильного давления в открытую рану каким-то деревянным колом и его шевеления, выполняемого дежурными хирургами. Впоследствии Олегу пришлось долго разрабатывать суставы и пальцы, растягивать с помощью парафиновых компрессов рубцы и сухожилия, что, впрочем, не привело к полной работоспособности кисти.

Дальнейшие территории пока что были неинтересны, да и необходимости в них не возникало в силу достаточности нового материала, требующего освоения и практического применения.

Осенью ждала другая школа, расположенная неподалеку в старом двухэтажном приспособленном доме. Пока что Олег не вошел в эти новые обстоятельства, хотя тревоги о своем пребывании в новом коллективе с новыми взглядами и укладом, наиболее вероятно значительно отличающимися от привычных, не возникало. Скорее, любопытство. А представить себе какие-либо кардинальные перемены в этом смысле не хватало фантазии. Да и другой практики, на которой можно было бы основать такие фантазии, у Олега не было.

Впоследствии оказалось, что его приспособляемость к изменениям достаточно высока и адаптация прошла без всяких проблем, более того, он сразу занял некие лидирующие позиции, с которыми уже не расставался до окончания школы. Впрочем, вполне вероятно, что это было навеяно взрослением.

Период привыкания длился несколько лет без каких-либо особых и значащих событий, формировались дворовая общность, группы по интересам, дружба и враждебность. Олег незаметно вошел в новое, трудно объяснимое время, когда его лицо покрылось отвратительными юношескими гноящимися прыщами. Они были очень многочисленны, доставляли массу неудобств. Ежедневно Олег с отвращением и болью старался

выдавить, содрать их, затирая одеколоном появляющуюся кровь. Были и пивные дрожжи, и всякие иные народные средства. Но все — тщетно. К тому же взрослеющее тело мальчика начинало громко заявлять о себе, создавая массу неудобств и неосознанных желаний, часто приходивших в сны и тревожащих своей непонятностью, естественным образом перешедших в первоначально испугавшие его физиологические проявления. И если раньше в дружбе с девочкой не возникало половых признаков, то теперь она становилась возможной скорее только при физическом неприятии: уже возникало ЗАЧЕМ, только пока неизвестным оставалось КАК, а услышать правильный ответ, не задав правильного вопроса, невозможно.

Таким образом, после пятого дня Творения пришел и шестой.

Так закончилось детство Олега.

2. Прыщи

Если никак не позиционируешь себя, то и терять нечего, поэтому ребенок еще не ожидает от жизни «заслуженного», тем более что она — жизнь — никому ничем не может быть обязана. В это время она складывается не из того, чтобы было много, а из достаточного, а происходящее — это только то, на что обращается внимание. Время,

когда настоящее еще не ужасается будущим, когда еще способен быстро учиться, а не переучиваться, когда не возникают излишние проблемы в результате излишнего обдумывания. По истечении многих лет стараешься понять, что же произошло с тобой, скучаешь ли ты по себе, понимая, что попытки договориться с одиночеством и есть старость, потому что нельзя отказаться от своей молодости. Как писал Экзюпери, все были детьми, только мало кто об этом помнит.

— Я хожу в бассейн «Динамо», — сказал один из дворовых мальчиков Олегу. — Хочешь?

— Да. А меня возьмут?

— Как раз набирают группу, пойдем завтра.

Стадион «Динамо» располагался в гордости харьковчан — парке Горького — за многими аттракционами, прекрасно обустроенными, с духовыми оркестрами, мороженым, газированной водой, женщинами с веслом, парашютной вышкой и многим другим — стандартным набором услуг советского времени. Были выстроены прекрасный открытый бассейн, велотрек, спорткомплекс, стадион, где совершенно свободно ежедневно прыгали и бегали дети и взрослые, не отсекаемые от спортивных сооружений заборами и турникетами с билетными контроллерами, такими популярными сегодня.

Собралась стайка мальчиков и девочек,

неумело одевших некое подобие плавок, не знающих, как себя вести, и с опаской смотрящих на выход из раздевалки в бассейн. Душ. Зарядка. Вышли... Голубая вода и очерченные дорожки, строгий тренер в стильных плавках с завязками и белым кантом. Построились у бровки возле стартовых тумбочек.

— Чего стоим? Долго еще будут с нами разговаривать? — спросил Олег.

— Молчи, а то накажут.

Стало скучно, и Олег подтолкнул мальчика в бассейн, тот упал. На этом закончилась попытка Олега стать пловцом. Но тропа была протоптана. Здесь же, в малом бассейне с вышкой для прыжков, он договорился, что будет заниматься водным поло, и в тот же день Олег был принят. Начались тренировки — плавание, плавание и плавание... Хотелось поиграть, бросать мяч, забивать голы... Но все время плавали. И это быстро надоело.

— Прыгнешь с десяти метров? — поинтересовался мальчик.

— Да запросто! — ответил Олег.

— Та не бреши!

— Ну, смотри!

Полез. Забрался. Взглянул вниз... Живот подвело, затошнило, ноги и руки задрожали... С большим трудом и с позором медленно спустился и попал под разнос тренера. Естественно —

исключение. Долго сидел на трибунах. Когда же все разошлись, заставил себя снова забраться на вышку и скорее упал, чем прыгнул. Было жутко, больно ударился о воду. Ушел на дрожащих ногах, но уже с уважением к себе. Так закончилось знакомство с водными видами спорта.

Футбол. На пустыре посреди двора не уставали гонять. Могли делать это с утра до позднего вечера. Играли азартно, с драками и спорами. Медленно образовалась группа ребят, которым удавалось многое, чего не могли другие. Олег любил стоять в воротах, обладая хорошей реакцией и координацией, прекрасно для своего возраста играл и в поле, тем самым выдвинувшись в лидеры. Однако был и конкурент из старых домов, практически не уступавший ему в поле. Сохранилось только прозвище — Колобок. Естественно, между ними возникла вражда вследствие природного стремления Олега к первенству во всем. Игры команда на команду, где они были по разные стороны, часто заканчивались стычками. Затем решили, что нужно играть в одной команде против любого по численности другого состава. Игры навывлет приносили только победы. Затем стали сражаться с более взрослыми и тоже побеждали.

В доме жил один из тренеров харьковского «Авангарда» (теперь «Металлист»), наблюдавшего

временами за баталиями. Его дочь впоследствии стала недостижимой мечтой всех дворовых юношей.

Однажды он предложил попробовать себя в детской школе клуба, куда шел набор. Многие пошли, да вот все «отсеялись», но Олег остался. Определился состав группы, где Олегу было место как в поле (хорошо играл в защите и полузащите, «видел поле» и «читал» действия партнеров), так и в воротах — был вынослив и очень успешно действовал. Тренеры долго не могли определить, где же его нужно использовать. Несколько раз команда выигрывала первенство Харькова, Олега хвалили. Запомнилось, когда в финальной игре с со спортшколой гороно разошлись вничью и для определения победителя были назначены пенальти. Олега поставили в ворота, хотя весь матч он провел в поле и провел очень хорошо, играя в защите и не дав никому себя пройти.

— Держись!

И началось. Забили четыре из пяти. Последний удар. Бьет их лидер. У них четыре из четырех. Удар, бросок, мяч взят. Теперь снова. Первый Олег берет намертво, затем и второй, из самого неудобного для себя правого угла вытянул. Победа! Ребята стали качать на руках, дважды подбросили, а на третий — уронили. То-то смеху было... С тех пор Олега стали пробовать на вратаря уже серьезно. Чем все кончилось? Как всегда.

Раздавали новую форму. Олегу не дали, а дали второму номеру, потому что его мама работала в клубе то ли уборщицей, то ли еще кем-то и попросила тренера.

— А почему мне не дали форму?! — поинтересовался Олег.

— Дадим в следующий раз, — сказал тренер.

— Так я же первый номер! — возмутился Олег.

— Ну и что? — ответил тренер.

— Обойдусь без вас, пойду в гороно! — пообещал Олег.

И ушел. Понятно, что никто не звал, понятно, что потом пожалел, но поступить иначе не мог. Далее были «Спартак», другие клубы, и везде всегда успешно, только тренер детско-юношеской группы команды мастеров, хорошо знакомый Олегу, не приглашал обратно, а гордость не позволяла ему попросить об этом.

Как всегда, вмешался его величество случай. Сосед по лестничной клетке занимался фехтованием. Однажды пригласил Олега на тренировку, посмотреть. Было очень интересно наблюдать нелепые позиции юношей и девушек с рапирами, выполняющими какие-то странные действия, очень отличающиеся от штурмов дворовых развалин, вместо того чтобы драться и колоть. Взыграло.